

РОМАН РАЛИСА УРАЗГУЛОВА «ГОЛОД» КАК АНТИУТОПИЯ

Хасанов Р. Ф.

Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия, (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: academy@birsk.ru

Статья посвящена анализу романа талантливого башкирского писателя Р. Уразгулова «Голод», посвященного трагическим событиям в Поволжье в 1920–1930-е годы. Роман характеризуется как антиутопия. При этом автор статьи выделяет такие характерные признаки антиутопии, как критическое изображение действительности, создание сатирических образов, памфлетность, пародийность, обращение к элементам фантастики и образной символики. Устанавливаются параллели с некоторыми романами башкирских писателей (А. Хакимов, Р. Уметбаев, Г. Хисамов, С. Фазлыев) и русских (Е. Замятин, В. Набоков, В. Войнович, Д. Быков, Т. Толстая, В. Пелевин и др.). Утверждается, что Р. Уразгулов входит в творческую полемику с авторами советского башкирского историко-революционного романа (Х. Давлетшина, Я. Хамматов, З. Бишева, Ф. Исянгулов). В статье также рассмотрены некоторые особенности поэтики романа – психологизм, роль пейзажных зарисовок, портретная характеристика.

Ключевые слова: роман, антиутопия, сатира, памфлет, фантастика, образная символика, пейзаж, психологизм, мотив.

THE NOVEL “GOLOD” BY URAZGULOV R. AS DYSTOPIA

Khasanov R. F.

Birsky branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10) e-mail: academy@birsk.ru

The article is dedicated to the analysis of the novel “The Hunger”(“Golod”) written by the talented Bashkir writer – Urazgulov R. The novel describes the tragic events of the 1920-1930 years in Povolzhie. The novel is characterized as dystopia. Herewith, the author distinguishes such characteristic features of dystopia as, the critical portrait of the reality, the creation of satiric images , pamphleteering, parody, the elements of fantasy and figurative symbolism. There are parallels with some novels of Bashkir writers (Khakimov A., Umetbaev R., Khisamov G., Phazlyev S.) and Russian writers (Zamyatin E., Nabokov V., Voynovich V., Bykov D., Tolstaya T., Pelevin V. and others). It is said that Urazgulov R. penetrates into the creative debate with the authors of Bashkir Soviet historical revolutionary novel (Kh. Davletshina, Khammatov Ya, Biisheva Z, Isyangulov F.). The article under consideration also depicts some poetic peculiarities of the novel – psychologism, the role of landscape drawings, and the portrait characteristics.

Keywords: a novel, dystopia, satire, pamphlet, fantasy, figurative symbolism, landscape, psychology, motive.

Послевоенные десятилетия в башкирской литературе были ознаменованы созданием ширококомасштабных историко-революционных романов. Написанным по канонам соцреализма и в известной степени по социальному заказу, этим произведениям были характерны определенный схематизм, сходство проблематики, авторских идейных установок. Они прославляли революционный класс, изображали движение масс к новой жизни, борьбу классов, искоренение предрассудков, пережитков прошлого в повседневной жизни людей. Не столько законы художественного творчества, сколько политика и идеология, принципы партийности и классовости «водили» пером писателей определяли суть их литературной задачи, идейно-художественное содержание произведений. Еще Стендаль писал, что «политика в литературном произведении – это как выстрел из пистолета посреди концерта: нечто грубое, но требующее к себе внимания» [6, с.145].

После распада СССР, краха метода соцреализма в литературе поменялись идейные ориентиры. В какой-то мере предыдущая литература стала восприниматься как своего рода утопия, рисующая образ светлого будущего, общества счастья, всеобщего равенства и благоденствия. Но всё это в реальности оказалось недостижимой мечтой, иллюзией. Не случайно в 1990-е годы появились произведения, критически изображающие те же события, процессы, лица советской действительности, показывающие крушение надежд. Основными приемами изображения в них явились сатира, сарказм, памфлетность, пародийность. Эти произведения впоследствии стали называться антиутопией.

Первым образцом антиутопии в русской литературе стал роман Е. Замятина «Мы» (1920), в котором показан страшный механизм подавления и дегуманизации личности в тоталитарном государстве, процесс её превращения в винтика, в коллективное «мы». Как пишет исследователь, что материал для романа «дала сама действительность «военного коммунизма», превращавшая человека в средство достижения умозрительной цели» [3, с.182–185]. Продолжением замятинской традиции явились романы Д. Быкова, О. Славниковой, А. Смоленского, В. Пелевина, Вл. Войновича, В. Набокова, Т. Толстой и др., написанные в 2000-е годы.

На рубеже веков и в последующие годы в башкирской литературе также были созданы произведения этого плана. Следует назвать романы «Нет спасения от бури», «Ураган» А. Хакимова, «От росы гнется ковыль» Р. Уметбаева, «Чёрный этап» С. Фазлыева, «Голод» Р. Уразгулова. В них изображена трагедия личности в тоталитарном государстве, уничтожение вековых традиций, обычаев башкирского народа, страшные последствия гражданской войны, других социально-политических явлений (военный коммунизм, продотряды, раскулачивание, коллективизация, репрессии, ссылки...) в башкирском крае. Если в традиционном историко-революционном романе представители Советской власти, большевики, красные командиры, комиссары изображались в восторженных тонах и светлых красках, в героико-патетическом ореоле, то в этих произведениях они предстают как тёмные силы, носители зла, жестокости, алчности, бесчеловечности. Написанные в традициях романного жанра, в частности в его социально-критической разновидности, по своему идейному содержанию, особенностям проблематики, авторского миропонимания и его творческих установок эти книги близки к антиутопии. При этом мы полагаем, что антиутопия – это не столько жанр, сколько принцип изображения, способ художественного выражения авторского мировосприятия, в основе которых лежит сатира, пародийность, фантастика, неприятие политики, идеологии, направленной на подавление личности, показ событий социально-политического характера с позиций простого человека, выраженное аналитическое начало. Как справедливо отмечает критик: «Эти романы – сатира, считающая

себя антиутопией» [7]. Антиутопическое содержание может воплощаться в различных жанрах: рассказе, повести, романе, драме.

В данной статье мы более подробно остановимся на романе Р. Уразгулова «Голод». Как нам представляется, в нём нашли выражение такие черты антиутопии, как критическое отношение к воссоздаваемой действительности, показ трагедии личности, её конфликта с социальной средой, осуждение политики большевиков по отношению к трудовому народу, к зажиточному крестьянину.

Роман воссоздает трагические события начала 1920-х годов, когда в Поволжье случился страшный голод. На относительно локальном материале – на примере деревни на берегах Иргиза – автор создает типическую картину той эпохи: послевоенная разруха, смута, голод, обострение классовой борьбы, начало репрессий, ощущение всеобщей тревоги, безысходности, тупика. Социально-политические процессы, происходящие в России, влияют на судьбы людей деревни, находят непосредственное отражение в их поступках, мыслях, чувствах. Перед читателем проходят образы представителей разных социальных слоев: бедняков, середняков, кулаков, помещиков, духовенства. При этом автор стремится создать запоминающийся образ, обращается к портрету героя, к его духовному миру. В книге есть отдельные главы, посвященные тому или иному персонажу, – «Кашфулла», «Муратша», «Зулейха», «Абдулла», «Идрис», «Исянгул».

Первая глава «Кашфулла» вводит читателя в мир забот и тревог деревенской бедноты. Кашфулла – типичный люмпен-пролетариат, оторванный от земли, потерявший чувство хозяина, не умеющий и не желающий трудиться, ждущий от новой власти «манны небесной». Через его образ писатель с горечью повествует о том, как многие башкиры сдавали свои земли в аренду русским помещикам, а потом сами же нанимались к ним в батраки, гнули спины на родной земле уже в качестве раба. «Да, были хорошие времена – сдашь землю в аренду и горя не знаешь», – размышляет герой. Об этом писали в своих рассказах, очерках, статьях Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, Н. А. Крашенинников, Н. В. Ремезов, П. И. Добротворский. В рассказе «На кумысе» Д. Мамин-Сибиряк пишет: «Башкиры свою землю сдадут в аренду по полтине за десятину, да сами же нанимаются её обрабатывать» [2, с.200]. А в романе «Хлеб» писатель описывает башкирскую дореволюционную деревню: «Самую ужасную картину представляла башкирская деревня. Башкиры голодали и вымирали каждую зиму. Половина башкирских изб пустовали, – хозяева или вымерли, или разбрелись, куда глаза глядят. ... В амбаре вместо хлеба сложены были закоченевшие трупы замерзших башкир» [4, с.287].

В романе Р. Уразгулова жители деревни тоже превратили бывший зерновой склад (мугэзей), в своего рода, хранилище трупов, умерших зимой односельчан. «Трупы были

свалены вы кучу до самой двери. Нестерпимый запах, лица, застывшие в последней схватке с муками голода, кое-где тела без рук и ног, со вспоротыми животами...» (№ 3, 107). Нелегко читать роман. Страшные картины, порой с излишней натуралистичностью рисует автор: вот в степи в конвульсиях лежит пожилая женщина, у которой вороны склевали глаза; вот старуха Хадиса убивает топором девушку, чтобы её съесть, накормить свою дочь. Автор не жалеет красок и изобразительно-выразительных средств, чтобы наглядно показать жестокость, порой беспощадность людей, обезумевших от голода, доведенных до каннибализма. Также трогает картина расправы толпы над Вильданом, который украл корову у вдовы и зарезал, оставив семью без кормилицы. Суд над ним был скор: сначала его забросали камнями, затем отрезали руку.

В унисон этим человеческим страданиям, трагическим картинам изображена и природа. Даже весна, которая у человека ассоциируется с возрождением, надеждой, расцветом не вызывает радости: «Степь окутало запахом горелого. Закинувший мешок за плечо путник жадно вдыхает воздух родины, и его легкие наполняет родное до боли дыхание весны, исходящий от земли пар и, вперемешку со всем этим, этот тяжелый запах. Он душит горло, вызывает тошноту. Обычно по весне в начале апреля на ломкий ковыль уже выходил скот. А сейчас – странная, бердящая душу тишина. Даже свиста сусликов не слышно. Одни лишь полчища ворон» (№ 3,102).

Предзнаменованием большой беды, голода служит и описание бури, данное еще в начале романа (№ 1, 103-104). Такая же внезапная буря разыгралась во время собрания сельчан, на котором представитель райцентра устрашал людей, объявляя о начале беспощадной борьбы против врагов Советской власти. Часто мотив сильного ветра сопровождает сюжетное действие в романе. Подобные описания беспокойного состояния природы, стихии символически отражают происходящее в душе героев. Жители деревни Кэрелек живут в предчувствии тревоги, в ожидании чего-то рокового.

Также условно-символическим смыслом наполнены сны героев, которым в романе отведено немало места. Все центральные персонажи, так или иначе, видят сны, верят в их «вещность», по-своему толкуют их, прикладывают к своей судьбе, пытаются связать с будущим. Например, Кашфулле, некоему подобию гоголевского Манилова, часто снится светлое будущее, рай, и герой, устроившись на лежанке, мечтает о роскоши, богатстве, беззаботной жизни. Накануне деревенского схода, где было решено выслать Муратшу и его семью в Сибирь, герой во сне видит крыс, «которые впились ему в горло, грызут ноги и руки» (№ 5, 87). Такие же вещие сны снятся Абдулле, Исламгулу, Хадисе. Наряду с другими средствами и приемами выразительности сны героев служат художественному воплощению авторской идеи, углублению и расширению проблематики произведения, созданию

характера деревенского жителя с его предрассудками, надеждами, чаяниями и тревогами, верой в потусторонние силы. «Они (сны – Р. Х.), пишет исследовательница, помогают проникнуть во внутренний мир героев, более глубоко постичь их психологию, сознание и бессознательное» [1].

По мере развития действия всё отчётливее вырисовываются фигуры противоборствующих сил. При этом особо выделяются образы Абдуллы и Муратши, их можно считать антагонистом и протагонистом.

Как уже было отмечено, в антиутопии одним из основных средств изображения является сатира. В романе Р. Уразгулова наиболее ярко это проявилось в создании образа главы сельсовета Абдуллы. Перед нами типичный образ башкирского «швондера» из повести М. Булгакова «Собачье сердце». Внешне и внутренне, физически и морально Абдулла вызывает неприятие, отторжение. Каждый его поступок на посту главы направлен против простого человека и на удовлетворение своих низменных страстей. «Чтобы бедняка завлечь в строящийся колхоз, надо, чтобы он оставался бедным, пусть не работает на себя. Не нужно, чтоб он на ноги встал, чтоб зажиточным был. Коли окрепнет, на себя работая, в сторону колхоза и глядеть не захочет», - размышляет он (№ 4, 84). Во время голода он торгует казенными продуктами, хлебом взамен любовных утех с молодыми женщинами села. Прошлое героя также запятнано подлым поступком по отношению к своему приятелю Идрису. Через этот образ автор стремится показать, во что может превратиться человек в тоталитарном государстве, одержимый навязчивой идеей классовой борьбы, ненавистью и злобой к идейным оппонентам, к несогласным с его точкой зрения. Писатель не столько «рассказывает» о деяниях и мыслях Абдуллы, сколько показывает это изнутри, воспроизводит их через внутреннюю речь героя. В романе есть сцены, в которых герой выглядит нелепым, невежественным, неким моральным калекой. Вот он на собрании объясняет сельчанам, что при коммунизме жену будут называть «товарищ по жизни», так как слово «жена» оскорбляет, унижает достоинство женщины.

Антиподом Абдуллы в романе выступает Муратша-бай. Здесь автор порывает с традициями предшествующей историко-революционной прозы, в которой образы зажиточных крестьян, баев, представителей социальных верхов изображались в резко негативном плане, как враги народа, всего нового, прогрессивного. У Уразгулова Муратша – это воплощение доброты и милосердия, нежности и заботы. Он своим трудом выбился в люди, стал зажиточным мужиком. Не случайно писатель называет его крестьянином, а не кулаком, как это бывало раньше. Муратша всегда в центре авторского внимания, и, говоря языком стереотипа, его образ становится рупором идей автора, выразителем его философии жизни, его отношения к событиям и лицам той эпохи. В ситуации голода и засухи Муратша

становится спасителем для многих односельчан, раздаёт хлеб, зерно, семена, режет скот, устраивает коллективные обеды для голодающих, берет на свое попечение сирот. Как показано в романе, его мысли, думы и действия направлены на общее дело, а не на дальнейшее обогащение. И в личном плане он – прямая противоположность Абдулле. Большая дружная семья, любящие мужа, уважающие друг друга старшая и младшая жены, дети; в его доме всегда уют, теплота, взаимопонимание. Он фактически авторитет в деревне, организатор коллективных мероприятий – сева, сенокоса, сходов, праздников, похорон. Если для Абдуллы голод, неурожай – это удобный случай для укрепления своей власти, устрашения людей и подчинения себе, то для Муратши – это трагедия, страдания, гибель близких. На примере этого образа писатель показывает, на что обрекает власть большевиков трудового человека, влюбленного в землю, желающего и умеющего на ней работать. Незавидная участь ждёт таких: раскулачивание, высылка, Сибирь, неизвестность. ... От всего этого Муратшу спасает лишь его скоропостижная смерть.

В обрисовке характера Муратши, в раскрытии его внутреннего мира автор достигает глубокого психологизма. Нередко он представлен в минуты раздумий о своей судьбе, о жизни, об артелях, о трудностях. Свои сокровенные мысли автор также доверяет Муратше. Это alter ego автора, его второй «я». На собрании, где была решена его горькая участь, он произносит речь, в которой обвиняет односельчан в покорности, в рабской психологии, в предательстве. «Народ, где один поедает другого, – раб! А раб, не желающий выходить из рабства, – вдвойне раб! Он никогда не сможет жить по своей воле, никогда не встанет на ноги. Нынче тоже некоторые из вас ухмыляются, а не чуете, что землю у вас отнимают, за которую наши деды-прадеды тысячи лет кровь проливали». (№ 5, 102). Понятно, что здесь устами героя говорит сам автор, и в целом можно сказать, что образ Муратши не лишен черт идеализации и схематизма.

Вся образная система романа, его идейная направленность позволяют утверждать, что Р. Уразгулов входит в творческую полемику с автором романа «Иргиз». Примечательно то, что оба романа близки по тематике, по пространственно-временной организации (хронотопу), системе образов. Действия в них происходят после гражданской войны в деревнях на берегах Иргиза (Самарская губерния). Писатели изображают острую классовую борьбу, схватку нового и старого, становление нового уклада жизни, способов хозяйствования. Но оценка восприятие, осмысление всего изображаемого происходит с разных позиций. Если у Х. Давлетшиной Айбулат, его жена и их товарищи – это некий идеал светлого будущего, готовые к пожертвованию ради его построения, то у Уразгулова тот же представитель новой власти Абдулла – исчадие ада, олицетворение зла, тьмы, бесчеловечности, тупиковости избранного пути. В «Иргизе» создание артелей –

прогрессивная форма организации сельхозтруда, спасение для бедноты, а в «Голоде» артель, затем колхозы – это ликвидация, уничтожение мужика-земледельца, хлебороба, вытравление из него чувства хозяина земли. Сопоставляя два романа можно в частности увидеть эволюцию историко-революционного романа в башкирской литературе, его освобождение от догм, идейных клише, стереотипов, излишней патетической пафосности, поворот к показу общечеловеческих ценностей, трагедии человека в переломные моменты истории.

Сложный, противоречивый характер представлен в Вильдане. Волею обстоятельств он становится помощником Абдуллы, председателем артели, потом колхоза. Выходец из низов, он также «заражен» вирусом злобы и ненависти к старому миру, баям, зажиточным крестьянам. Но, с другой стороны, в нем не утрачены добродетель, совесть, жалость, понимание человека. Его природа противится, когда составляется список лиц для раскулачивания и изгнания из деревни. В его душе происходит борьба истинного, человеческого, заложенного изначально самой природой, и ложного, навязанного извне, выработанного обстоятельствами, средой. В нем сидит дьявол, которого он пытается изгнать, но не в силах это сделать окончательно. Автор показывает трагедию человека, сбившегося с истинного пути, соблазненного умозрительными идеями. Такими же обманутыми, одурманенными выглядят молодые – пионеры, комсомольцы: Хисам, Исмаил. Они своего рода башкирские павлики морозовы, главным делом которых становится слежка за «врагами советской власти», доносы, услужение, угодничество Абдулле.

Как нам кажется, первоначально образ Идриса был задуман как антипод Абдуллы. На страницах романа они сталкиваются несколько раз. До войны – соперники в личном плане – оба любят одну женщину; на фронте служат в одном полку, и Абдулла при случае непрочь отомстить Идрису за упущенную Зулейху – утопить его болоте. Их встреча после войны – одна из ключевых сцен в романе. Здесь столкновение не любовных соперников, а конфликт противоположных миров и философий, добра и зла. Если Абдулла несет людям горе, страдания, разрушение, гибель, то Идрис выступает символом созидания, возрождения. Он возводит, разделяет сад, сеет вокруг свет, надежду. В то же время потенциал этого образа остался не раскрытым до конца. Автор «оттесняет» его на задний план, лишь эпизодически напоминая о нем как о человеке, погруженным в частные заботы, хлопоты по хозяйству.

Также нужно отметить, что сюжетная линия, связанная с Идрисом, выглядит несколько надуманной. Его чудесное спасение из болота немецкой овчаркой, затем работа в плену у добрых хозяев-немцев в Германии, возвращение домой через много лет, встреча с семьей, которая ждала его, не получив от него ни весточки, возведение цветущего сада в ситуации всеобщей разрухи, мора, голода – всё это напоминает сказку, нежели сюжет реалистического произведения, на что претендует рассматриваемое произведение. Можно

допустить, что с образом Идриса автор связывает некий идеал совершенства, показывает, что лишь человек свободный от умозрительных целей, партийной идеологии и других форм организации масс в тоталитарном государстве, способен на созидание, на гармоническое развитие, чувствует себя хозяином на своей земле, труд на которой приносит ему счастье и радость. Ведь не случайно Идрис не вступает ни в артель, ни в колхоз, ни в партию, а его дети остаются в стороне от пионерии и комсомола. В этом случае Р. Уразгулов отступает от некоторых жанровых канонов антиутопии, в которой авторы, как правило, ограничиваются острой критикой существующего положения вещей, не предлагая альтернативу, позитивного начала. А в остальном роман «Голод» вписывается в антиутопическую парадигму. Само его название имеет широкое условно-символическое значение. Это словно сигнал-предупреждение о том, к чему может привести непродуманные действия и решения властей, волюнтаризм, политика подавления энергии, творчества масс и личности.

Список литературы

1. Абдуллина А. Ш. Поэтика психологизма в романе Т. Гариповой «Бурёнушка» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1.
2. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т. 2. – Уфа, 1990.
3. Доронченков И. А. Об источниках романа Е. Замятина // Русская литература. – 1988. – №44.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб. Роман // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7.
5. Уразгулов Р. Голод Роман // Бельские просторы. – 2015. – № 1-5. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера журнала и страницы).
6. Стендаль Ф. Пармская обитель / Пер. с фр. Н. Немчиновой. – Минск, 1976.
7. Чанцев А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // НЛО. – 2007. – № 86.

Рецензенты:

Карамова А. А., д.фил.н., зав кафедрой русской и зарубежной филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Петишева В. А., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.